

Берлин, 5 мая 1945 года. У поверженного рейхстага. Справа налево: первый советский комендант Берлина, командующий 5-й ударной армией генерал-полковник Н. Э. Берзарин, Ц. Солодарь, Вс. Вишневский.

Цезарь СОЛОДАРЬ

НА ШТУРМ РЕЙХСТАГА

ТРИДЦАТОЕ апреля сорок пятого. Фашистский Берлин пылеет. Миновал промозглый полдень, но тяжелый туман по-прежнему висит, и росчерки пламени кажутся призрачными.

Полк Плеходанова расположился в обгоревшем «доме Гимmlера» — так бойцы окрестили мрачное здание гитлеровского министерства внутренних дел.

Отсюда до рейхстага очень близко — метров четыреста. Вернее, очень далеко — ведь на эти метры враг обрушил непрерывный, беспощадный огонь. Огонь обреченных. Из ощерившегося рейхстага и близлежащих зданий артиллеристы, минометчики и фаусники простреливают каждую плитку забаррикадированной и заминированной площади перед рейхстагом. Сейчас ее, впрочем, не назовешь площадью — до того испещрена она дотами, траншеями, надолбами. Каждый шаг к последнему оплоту фашистской столицы — в зоне перекрестного огня.

И все же в этот огненный смерч придется ринуться или, как выражаются на КП выброситься засевшим в «доме Гимmlера» бойцам Плеходанова. Начальная задача — добраться до залитого

водой огромного поперечного рва, промежуточная — перебраться через эту искусственную водную преграду, главная — прорваться в рейхстаг.

Настает заветная минута. Используя наскоро сколоченные дощатые мостки, бойцы выбегают из полуподвальных окон. Приходит черед и роты Петра Греченкова, московского метростроевца.

У него большой опыт продвижения по объятых пламенем берлинским улицам и захвата крупных зданий. Он знает, насколько важно, не теряя ни единой секунды, пробежать, пройти, проползти, стремительно преодолеть первые метры. Греченков доволен: никто из атакующих не отстал, в том числе и несколько мешковатый подполковник, еще только что протиривший толстые стекла очков. Солдаты сочли его политотдельцем, а докапываясь, из какого он политотдела — корпусного или дивизионного, — сейчас не время.

Пройдено метров шестьдесят. Рота залегла.

Есть первые раненые. У пожилого ефрейтора по щеке побежала кровь. Подполковник помогает ему перевязаться. Делает это столь усердно, что повязка приобретает гигантские размеры и захватывает всю голову.

Надо двигаться дальше, добраться до разбитых самоходок и трансформаторной будки — там можно на минуту-другую укрыться от огненного смерча...

Ну почему же об этом броске греченковской роты на рейхстаг не написал Борис Горбатов? Ведь это он, писатель-правдист, принятый бойцами за политотдельца, считал себя обязанным вместе и рядом с бойцами изведать тяготы и величие одной из последних страниц войны. Но предельно скромный питомец ленинской партии даже ближайшим друзьям не рассказывал, как, вопреки запрету командира корпуса, отправился в дивизию, как не внял предостережению командира дивизии и по простреливаемым кварталам пробрался в полк, как незаметно для командира полка пошел в боевых порядках наступающего подразделения на рейхстаг. Ослушаться командира роты в обстановке штурма, правда, не решился и остался у прикрывшей его от огня подбитой самоходки...

Рота Греченкова выполнила боевой приказ. Ворвалась в рейхстаг вместе с другими подразделениями. Мы с капитаном Александром Андреевым, будущим прозаиком, услышали об этом на КП командира корпуса генерала С. Н. Переверткина.

Считанные дни оставались до той минуты, когда над зеленовато-черным куполом рейхстага засветилось знамя Победы. «Не звездное знамя янки, не полосатый флаг британцев, — скажет впоследствии со страниц «Правды» Борис Горбатов. — А наше знамя... Прекрасное, как наша правда».